

ДЭЙВ ЭГГЕРС

МОРНАХ
МОРЗ
МОХИ

Дэйв Эггерс Монах из Мохи

THE MONK OF MOKHA by DAVE EGGERS
Copyright © 2018 by Dave Eggers

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии The Wylie Agency

Перевод с английского Анастасии Грызуновой

Редактор Ирина Залогина

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

© Анастасия Грызунова, перевод, 2021

© Андрей Бондаренко, макет, дизайн обложки, 2021

© «Фантом Пресс», издание, 2022

А отчего? Оттого что открылся миру и тот давит на него. Конкретно? Вот конкретно: что представляет собой мужчина? В городе. В этом веке. В переходный период. В общей массе. Преображенный наукой. Подвластный учреждениям. Всецело подконтрольный. Среди торжествующей механизации. После недавнего краха радикальных надежд. В обществе, которое перестало быть сообществом и обесценило личность. Ибо возобладала множественная сила большинства, не принимающая в расчет единичное. Тратящая миллиарды на борьбу с внешним врагом, оставляя без денег домашние порядки. Допустившая дикость и варварство в крупнейших своих городах. При этом добавьте давление человеческих миллионов, познавших силу согласованного образа действий и мыслей. Как мегатонны воды формируют организмы на дне морском. Как приливы шлифуют гальку. Как ветры выдувают утесы. Прекрасная сверхструктура, открывающая новые горизонты перед неисчислимым человечеством.

Сол Беллоу, «Герцог»^[1]

Пролог

Мы с Мохтаром Альханшали уговариваемся о встрече в Окленде. Мохтар только что вернулся из Йемена — еле ноги унес оттуда. Ему, гражданину США, американское правительство предоставило бежать от саудовских бомб и мятежных хуситов самостоятельно. А из страны не уедешь. Аэропорты в руинах, дороги перекрыты. Эвакуацию не провели, помощи не оказали. Государственный департамент бросил на произвол судьбы тысячи американских йеменцев, которым пришлось выкручиваться самим, спасаясь от блицкрига — десятков тысяч бомб американского производства, которыми забрасывали Йемен военно-воздушные силы Саудовской Аравии.

Я жду Мохтара (ударение на первый слог, Мóхтар) перед кофейней «Голубая бутылка» возле Джек-Лондон-сквер. Тем временем где-то далеко, в Бостоне, судят двух молодых людей, братьев, которых обвиняют в организации серии взрывов на Бостонском марафоне — девять человек погибли, сотни ранены. В вышине над Оклендом завис полицейский вертолет — наблюдает забастовку докеров в Оклендском порту. На дворе 2015 год: четырнадцать лет прошло с 9/11, семь — с прихода в Белый дом администрации Барака Обамы. Страна отошла от времен Буша и обострения паранойи; активные преследования американских мусульман отчасти поутихли, но любое преступление, совершенное американским мусульманином, по несколько месяцев кряду раздувает пламя исламофобии.

Приезжает Мохтар — он старше, собраннее, чем в последнюю нашу встречу. Из машины выходит человек в хаки и лиловой безрукавке. Волосы короткие и напомажены, эспаньолка аккуратно подстрижена. Шаг ровен необычайно — торс почти неподвижен, ноги несут Мохтара через дорогу к нашему столику на тротуаре. Мы

обмениваемся рукопожатием — на правой руке у него крупное серебряное кольцо, испещренное паутиной значков и с крупным рубиново-красным камнем.

Он заскакивает в «Голубую бутылку» — поздороваться с друзьями, которые там работают, и принести мне чашку эфиопского кофе. Требуется подождать, пока остынет, а уж потом пить. Кофе нельзя пить слишком горячим, говорит он, — не чувствуешь оттенков, вкусовые сосочки от жара немеют. Когда мы наконец устраиваемся за столом, а кофе остывает, Мохтар приступает к своей истории — как его поймали и освободили в Йемене, как он рос в Тендерлойне (это чуть ли не самый неблагополучный район Сан-Франциско) и как, работая консьержем в шикарном небоскребе в центре города, он нашел свое призвание — кофе.

Мохтар тараторит. Он очень остроумный и бесконечно искренний, истории свои иллюстрирует фотографиями в смартфоне. Порой ставит музыку, которую слушал по ходу сюжета. Порой вздыхает. Порой недоумевает, как это он такой уродился, отчего ему так повезло — ребенок из Тендерлойна, бедная семья, а теперь он кофейный импортер, и довольно успешный. Порой смеется, изумляясь, что еще жив, — он ведь угодил под саудовскую бомбардировку Саны, а когда страну охватила гражданская война, побывал в заложниках у двух разных йеменских группировок. Но в основном ему охота поговорить про кофе. Показать мне фотографии — кофейные деревья, кофейные фермеры. Поделиться историей кофе — многослойной сагой о приключениях и подвигах, что наделила кофе его нынешним статусом, превратила в главное топливо мировой продуктивности и товар потребления на семьдесят миллиардов долларов. Застопоривается Мохтар лишь однажды — рассказывая, как переживали его друзья и родные, когда он застрял в Йемене. Его большие глаза наливаются слезами, и он умолкает, листает фотографии в смартфоне, берет себя в руки и продолжает.

Сейчас, когда я дописываю эту книгу, с той встречи в Окленде миновало три года. До начала этого проекта я пил кофе эпизодически, а к разнообразию сортов относился с великим подозрением. Я считал, что кофейное гурманство — слишком дорогое удовольствие, а всерьез вникать, как кофе сварен, где выращен, и стоять в очереди за кофе, который сварен так или сяк, может только претенциозный болван.

Но я объездил плантации кофейных фермеров по всему миру, от Коста-Рики до Эфиопии, и у меня открылись глаза. Мне открыл глаза Мохтар. Мы навещали его родных в Центральной долине Калифорнии и собирали кофейные ягоды в Санта-Барбаре, на единственной кофейной плантации, расположенной в Северной Америке. В Харэре мы жевали кат и бродили в холмах над городом среди старейших кофейных деревьев на земле. Повторяя путь Мохтара в Джибути, мы навестили пыльный и безысходный лагерь беженцев неподалеку от прибрежного городка Обок, и я смотрел, как Мохтар выбивает паспорт для молодого йеменского студента-стоматолога, который бежал от гражданской войны и лишился всего — даже удостоверения личности. В глухих горах Йемена мы пили сладкий чай с ботаниками и шейхами и слушали жалобы людей, которым ни на что не сдалась эта гражданская война — они просто хотели мира.

После всего этого американские избиратели проголосовали за — ну или коллегия выборщиков допустила к власти — президента, который посулил закрыть границы для всех мусульман, «пока мы не поймем, что творится», как он выразился. После инаугурации он дважды пытался запретить въезд в Соединенные Штаты гражданам семи преимущественно мусульманских стран. В списке был и Йемен — на планете, пожалуй, не найдется более непонятой страны.

— Надеюсь, у них там в лагерях есть вайфай, — сказал мне Мохтар после выборов.

Эта мрачная шутка была тогда в ходу у американских мусульман: речь шла о том, что Трамп при первой же возможности — допустим,

если какой-нибудь мусульманин устроит в Штатах теракт, – предложит ввести регистрацию или даже интернирование мусульман Америки. Мохтар, когда так пошутил, был одет в футболку с надписью «ЗАНИМАЙСЯ КОФЕ, А НЕ ВОЙНОЙ».

Юмором пронизаны все его поступки и слова – надеюсь, на этих страницах мне удалось передать его чувство юмора и то, как оно преломляет его взгляд на мир даже в самые страшные минуты. Посреди йеменской гражданской войны Мохтара задержали и отправили за решетку ополченцы Адена. Мохтар вырос в Соединенных Штатах, насквозь пропитан американской поп-культурой и отметил, что один поимщик – вылитый Парень-каратист; пересказывая мне этот эпизод, никак иначе Мохтар его не называл. Приводя это прозвище, я не хочу умалять опасность, которая грозила Мохтару, но считаю, что это важно – показать события глазами на редкость невозмутимого человека, почти любую угрозу почитающего за временную преграду на пути к более важным вещам – обнаружению, обжарке и импорту йеменского кофе и успеху фермеров, за которых он борется. И я думаю, что поимщик Мохтара и в самом деле смахивал на Ральфа Маччио восьмидесятых годов^[2].

Мохтар прикоснулся к большой истории – ею он восторгается, над своей ролью в ней посмеивается. Однако повесть его старомодна. В основном это повесть об Американской Мечте, что сейчас жива как никогда и как никогда уязвима. Еще это повесть о кофе и о том, как Мохтар развивал кофейное производство в Йемене, где культивировать кофе начали пятьсот лет назад. И еще это повесть о районе Тендерлоин в Сан-Франциско, о долине отчаяния посреди целого города заоблачного благополучия, о семьях, что селятся там и стараются жить в безопасности и с достоинством. О странном засилье йеменцев в калифорнийской торговле алкоголем и о негданной истории йеменцев в Центральной долине. И о том, как их работа в Калифорнии отражает долгую крестьянскую историю Йемена. И о том, как прямая торговля меняет жизнь фермеров, дает

им свободу выбора и место под солнцем. И о том, как предпринимательский пыл и упорный труд американцев, подобных Мохтару Альханшали, – граждан США, которые поддерживают крепкие связи с землями предков, – помогают наводить бесценные мосты между развитым и развивающимся миром, между странами, которые производят, и странами, которые потребляют. И о том, как эти блистательные и отважные строители мостов олицетворяют самый смысл жизни Америки – страны радикальных возможностей и бесконечного гостеприимства. И о том, как мы, забывая, что такова и есть наша дивная суть, тем самым забываем самих себя – перемешанный народ, объединенный не бездействием, трусостью и страхом, но иррациональным горением, глобальной предприимчивостью в масштабе каждого человека, неотъемлемым правом идти вперед, всегда вперед, по зову своей отваги, неисчерпаемой и непреклонной.

Примечание к этой книге

Книга эта документальная, и в ней отражены события, увиденные и пережитые Мохтаром Альханшали. Работая над ней, я интервьюировал Мохтара сотни часов на протяжении трех лет. Его воспоминания я по возможности подкреплял рассказами других очевидцев или историческими документами. Все диалоги переданы так, как их запомнили Мохтар и другие участники. Некоторые имена изменены. Все диалоги в Йемене по умолчанию ведутся на арабском. При поддержке Мохтара я очень постарался передать их тон и настроение как можно точнее.

Книга I

Глава 1

Портфель

Мириам с Мохтаром делилась. Как правило, книжками. Давала ему почитать «Капитал». Давала Ноама Хомского. Подкармливала его разум. Подпитывала устремления. Встречались они где-то год, но шансы были невелики. Он мусульманин, американский йеменец, а она наполовину палестинка, на другую гречанка, да еще христианка вдобавок. Но она была красивая и яростная, а за Мохтара сражалась отчаяннее, чем он сам за себя сражался. Когда он сказал, что хочет все-таки закончить бакалавриат и пойти на юридический, Мириам купила ему сумку. Адвокатский такой портфель, произведен в Гранаде, тщательно выделанная мягчайшая кожа, латунные заклепки и пряжки, внутри отделения, элегантно. Может быть, думала Мириам, портфель подвигнет Мохтара к мечте.

Все складывается, думал Мохтар. Он наконец-то накопил денег на Городской колледж Сан-Франциско и осенью пойдет учиться. Два года в Городском, потом еще два в Университете штата, потом еще три на юридическом. Когда закончит, ему стукнет тридцать. Не идеально, но план приемлемый. Впервые за всю учебную жизнь у Мохтара появились хоть какие-то ясность и импульс.

Для колледжа нужен был ноутбук, и Мохтар попросил денег в долг у брата Валлида. Валлид был почти на год младше – они называли себя ирландскими близнецами, – но у Валлида все было схвачено. Несколько лет он проработал консьержем в небоскребе «Инфинити», потом поступил в Университет Калифорнии в Дейвисе. И накопил достаточно – хватит на ноутбук Мохтару. Валлид оплатил новый «макбук эйр» своей кредиткой, а Мохтар пообещал вернуть одиннадцать сотен долларов по частям. Ноутбук он засунул в портфель; вошел тютелька в тютельку и выглядел по-адвокатски.

С этим портфелем Мохтар пришел на сомалийский благотворительный вечер. Год был 2012-й, и Мохтар с друзьями устроили в Сан-Франциско сбор средств в пользу сомалийцев, пострадавших от голода, который уже унес сотни тысяч жизней. Вечер проходил в Рамадан, так что все наелись и послушали, что американские сомалийцы рассказывают о невзгодах своих соплеменников. Собрали три тысячи долларов, в основном наличными. Мохтар сложил деньги в портфель – в костюме и с кожаным портфелем, где лежали новый ноутбук и пачка долларов всевозможных деноминаций, он чувствовал себя человеком деятельным и целеустремленным.

Поскольку Мохтар был окрылен, да и вообще импульсивен по натуре, он уговорил еще одного организатора, Сайеда Дарвуша, сразу после мероприятия отвезти деньги в Санта-Клару – час дороги на юг. В Санта-Кларе они зайдут в мечеть и передадут деньги представителю «Исламской помощи», международной некоммерческой организации, которая направит пожертвования в Сомали. Другой организатор попросил Мохтара прихватить большой кулер с остатками рухафзы, розового пакистанского напитка из молока и розовой воды.

– Точно надо ехать сегодня? – спросил Джереми.

Джереми нередко казалось, что Мохтар берет на себя слишком много и слишком рьяно.

– Нормально, – сказал Мохтар.

«Надо сегодня», – подумал он.

Так что Сайед сел за руль, и всю дорогу по 101-му шоссе они рассуждали о щедрости, которую видели в тот вечер, а Мохтар размышлял, как это приятно – выдумать что-то, а потом воплотить. Еще он размышлял, каково это будет – получить юридический диплом, стать первым в роду американских Альханшали бакалавром права. И как он в конце концов доучится и будет представлять тех, кто просит убежища, – других американских арабов с

иммиграционными затыками. Может, в один прекрасный день баллотируется куда-нибудь.

На полпути к Санта-Кларе Мохтара одолела усталость. Он готовил этот благотворительный вечер неделями, а теперь тело требовало отдыха. Он прислонился головой к стеклу.

– Подремлю немножко, – сказал он.

Проснулся, когда машина уже стояла перед мечетью в Санта-Кларе. Сайед тряс его за плечо:

– Просыпайся.

До намаза оставалось несколько минут.

Полусонный Мохтар выполз из машины. Они достали из багажника рухафзу и потащили ее в мечеть.

Только после намаза Мохтар сообразил, что оставил портфель на улице. На земле, у машины. Портфель с тремя тысячами долларов и новым ноутбуком за тысячу сто Мохтар оставил среди ночи на автостоянке.

Они бросились к машине. Портфель исчез.

Они обыскали автостоянку. Безрезультатно.

В мечети никто ничего не видел. Мохтар и Сайед искали всю ночь. Мохтар не спал. Утром Сайед уехал домой. Мохтар остался в Санта-Кларе.

Оставаться не было смысла, но как тут вернешься домой?

Он позвонил Джереми:

– Я потерял портфель. Я потерял три тысячи долларов и ноутбук из-за этого клятого розового молока. Что я людям скажу?

Нельзя сказать сотням людей, которые пожертвовали на голодающих в Сомали, что их деньги испарились. Нельзя сказать Мириам. Помыслить невозможно, сколько она заплатила за портфель и что она подумает – он же потерял все, что у него было, разом. Нельзя сказать родителям. Нельзя сказать Валлиду, что они будут выплачивать одиннадцать сотен долларов за ноутбук, которым он, Мохтар, никогда не воспользуется.

Назавтра один друг Мохтара, Ибрагим Ахмед Ибрагим, улетал в Египет – посмотреть, как там Арабская весна. Вместе с ним Мохтар прокатился до аэропорта – это на полпути к родительскому дому. Ибрагим доучивался в Университете Калифорнии в Беркли, через несколько месяцев получит диплом. Что сказать Мохтару, он не знал. «Не переживай» – как-то неубедительно. Ибрагим растворился за пограничным контролем и улетел в Каир.

А Мохтар сел в черное кожаное кресло в зале ожидания и просидел там не один час. Смотрел, как улетают люди. Как уезжают и приезжают семьи. Бизнесмены с портфолио и планами. В международном терминале, этом памятнике движению, он сидел, вибрируя, и не двигался никуда.

Глава 2

Консьерж в «Инфинити»

Мохтар стал консьержем. Нет. Вестибюльным представителем. Так это предпочитали называть в «Инфинити». Другими словами, Мохтар был консьержем. Мохтар Альханшали, первенец Фейсала и Бушры Альханшали, старший брат Валлида, Сабы, Халеда, Афры, Фоваза и Мохамеда, внук Хамуда аль-Ханшали Зафарана аль-Эшмали, иббского льва, потомок рода аль-Шанана, крупнейшей ветви племенной конфедерации Бакиль, был консьержем.

«Инфинити» состоял из четырех жилых корпусов – все с видом на залив Сан-Франциско, на выбеленный солнцем город и холмы Восточного Залива. В небоскребах «Инфинити» жили врачи, ИТ-миллионеры, профессиональные спортсмены и богатые пенсионеры. Все они ходили туда-сюда через сверкающий вестибюль, и Мохтар открывал им дверь, чтоб они лишней раз не напрягались.

О Городском колледже пришлось забыть. Мохтар потерял портфель, и ему пришлось искать полноценную работу. Омар Газали, друг семьи, одолжил ему три тысячи долларов для «Исламской помощи». Но эти деньги нужно было вернуть, а еще ведь тысяча сто, которые Мохтар задолжал Валлиду, – колледж пусть подождет, неведомо сколько.

В «Инфинити» Мохтара привел Валлид: прежде Валлид и сам там работал. Он тогда зарабатывал двадцать два доллара в час, а Мохтару, его старшему брату, платили восемнадцать. Когда в «Инфинити» работал Валлид, там действовал профсоюз, но потом профсоюз развалился, а управляющей стала лощеная перуанка Мария, которая цокала по блестящим полам на высоких каблуках. Опрятность Мохтара ей понравилась, ему предложили работу. Восемнадцать долларов в час, грех жаловаться, когда минимальная заработная плата в Калифорнии – 8,25.

Но с колледжем пришлось попрощаться, и прямого пути туда Мохтар больше не видел. Целыми днями он торчал в вестибюле Башни Б, открывал двери жильцам и всевозможным работникам сферы услуг, которые кормили или массировали жильцов; людям, что выгуливали крохотных собачек, прибирались в квартирах и вешали новые люстры. Мохтар всегда приносил с собой книгу (он опять пошел на штурм «Капитала»), но за стойкой в вестибюле особо не считаешь. Постоянно отвлекают, бесит шум. Вестибюль выходил прямо на улицу, а район менялся, что ни месяц – новое здание, к югу от Маркет разрастался какой-то мини-Манхэттен. Стройки грохотали аритмично и трепали Мохтару нервы.

И ладно бы шум – в основном почитать, да и подумать мешала сама дверь. Вестибюль – стеклянный ящик, прозрачный шестигранник, и вестибюльному представителю полагалось зорко следить, не приближается ли к двойным дверям кто-нибудь с улицы под любым углом. Большинство визитеров Мохтар знал – жильцы, обслуживающий персонал «Инфинити», курьеры, – но случались и неожиданные посетители. Гости, тренеры, риелторы, терапевты, ремонтники. Кто бы ни подходил к двери, Мохтару полагалось быть на низком старте.

Если пришел курьер, можно встать, улыбнуться, открыть дверь – спешить некуда. Но если пришел жилец, за секунду или две надо выскочить из-за стойки, кинуться к двери (не показывая, что сбиваешься с ног), открыть ее, улыбнуться и впустить жильца. Нехорошо, если жилец коснулся двери прежде Мохтара. Мохтар должен успевать первым – распахнуть дверь, улыбнуться до ушей и тут же выдать вопрос, весело и простодушно: «Как пробежка, мисс Агарваль?»

Все это было непривычно. Это придумала Мария. Когда в здании действовал профсоюз, а вестибюльным представителем был Валлид, работа считалась *сидячей*, то есть вестибюльный представитель не обязан был вскакивать, когда люди входили или выходили. Но с приходом Марии все изменилось. Теперь работа требовала

неустанной бдительности, умения прытко и элегантно вспрыгнуть из-за стойки и пересечь вестибюль.

И неважно, что любой способен открыть дверь самостоятельно. Не в этом же дело. Дело в личном отношении. Когда улыбчивый человек в опрятном синем костюме открывает тебе дверь, это символ роскоши и знак человеческой заботы. Жильцы видят, что это не простой дом, что этот ухоженный и предупредительный работник в вестибюле не просто получает их посылки, приветливо встречает их гостей, проверяет или выгоняет непрошенных визитеров, — он так равнодушен, что открывает им дверь, говорит «доброе утро», «добрый день», «добрый вечер», «кажется, дождь собирается», «оденьтесь потеплее», «приятного вам матча», «приятного вам концерта», «хорошо вам прогуляться». Этот любезный человек скажет «здравствуйте» их собаке, скажет «здравствуйте» их внукам, скажет «здравствуйте» их новой подруге, скажет «здравствуйте» приглашенному арфисту, которого наняли играть, пока жильцы «Инфинити» ужинают.

Такое правда было. Правда был такой человек. Он правда был арфист, а у него была компания «Я оставил свою арфу в Сан-Франциско». Мохтар близко с ним познакомился. За несколько сотен долларов арфист приходил со своей арфой и играл, пока люди ели, пока люди пили. Одна пара из «Инфинити», чья жизнь проходила во всех смыслах на высоте, нанимала арфиста раз в месяц. Он был дружелюбный. И электрик по люстрам тоже — болгарин, часто болтал с Мохтаром. Специалистка по питанию животных — милая женщина с синими прядями, брэнчала серебром от запястья до плеча. Каждый день сквозь эти двери проходил калейдоскопический парад. Личные тренеры — этих набиралось с десятков, и Мохтару полагалось знать всех, знать, кто отвечает за оздоровление и долголетие какого жильца. Приходили консультанты по искусству, персональные ассистенты по покупкам, няни, плотники, дорогие личные врачи. Курьеры из китайских ресторанов на велосипедах, курьеры из пиццерий на машинах, курьеры из химчисток пешком.

Но в основном приходили почтовые курьеры. Курьер «ФедЭкса», курьер UPS, курьер DHL, и они приносили коробки с обувью из «Заппос», витамины с Bodybuilding.com, подгузники с diapers.com. Одни любили потрепаться, другие работали по часам, вечно опаздывали, распишись быстренько, «спасибо, чувак». Одни знали Мохтара по имени, другим было все равно. Кое-кто любил потрындеть, пожаловаться, посплетничать. Но сколько посылок прибывало через эту дверь – это просто уму непостижимо.

«Что у нас тут сегодня?» – спрашивал Мохтар.

«У нас тут кешью из Орегона», – отвечал курьер.

«У нас тут стейки из Небраски – их надо срочно в холодильник».

«У нас тут рубашки из Лондона».

Мохтар расписывался на клипбордах и уносил посылки в кладовую позади стойки, а потом, увидев жильца в вестибюле, весело поднимал палец и бровь, объявлял, что прибыла посылка. И жильцы тоже радовались. Как-то раз один немолодой жилец, Джеймс Блэкбёрн, открыл коробку и показал Мохтару пару новых перьевых ручек «монблан».

«Лучшие перья в мире, мистер», – сказал Блэкбёрн.

Неизменно учтивый Мохтар восхитился перьями и что-то про них спросил. Прошло несколько месяцев, и под Рождество он обнаружил на столе подарок; развернул – а там такое же перо. Презент от мистера Блэкбёрна.

В основном жильцы обзавелись деньгами недавно и только привыкали к «Инфинити». Если они хотели, чтобы с ними общались формально, Мохтар общался формально. Если им хотелось поговорить, он разговаривал, и временами на эти разговоры находились время и силы. Допустим, жильцы в вестибюле ждали машину. Мохтару полагалось стоять у двери, подкарауливать прибытие машины, и тогда ему и жильцу выпадало несколько неловких минут, когда оба смотрели на улицу.

«Много работы сегодня?» – спрашивал, к примеру, жилец.

«Да не очень», – отвечал Мохтар.

Важно было не показывать, что загоняешься. Вестибюльный представитель обязан излучать невозмутимую компетентность.

«Слыхали? В Башню Б въехал питчер „Сан-Франциско Джайентс“, – говорил жилец.

Тут прибывала машина, и беседа заканчивалась.

Но порой они углублялись. Вот Джеймс Блэкбёрн – он углублялся. Заинтересовался Мохтаром еще до пера «монблан». «Ты умный парень, Мохтар. Какие у тебя планы?»

Мохтар ему сочувствовал. Джеймс, белый пенсионер на седьмом десятке, – хороший человек, ему тоже неловко. Если считать, что Мохтар хочет чего получше, нежели всю жизнь скакать из-за стойки к двери, это умалит нынешнюю работу Мохтара – мало ли, вдруг для Мохтара это личная вершина? Но если считать, что для Мохтара это личная вершина, выводы получаются весьма прискорбные.

В основном жильцы вопросов не задавали. Не хотели знать. Эта работа, само присутствие Мохтара напоминали им: есть те, кто живет в стеклянных башнях, а есть те, кто открывает им двери. Замечали жильцы, как он читает «Проклятьем заклеянных»?^[3] Не исключено. Он свои книжки не прятал. Замечали жильцы Мохтара в новостях, когда он порой сзывал всех на протесты или выходил на них, требуя перемен во взаимоотношениях полиции и сан-францисского сообщества американских арабов и мусульман? Мохтар иногда мелькал на публике, и временами ему казалось, что его будущее – организовывать, представлять арабов и мусульман на уровне повыше. Член Наблюдательного совета Сан-Франциско? Мэр? Кое-кто из жильцов «Инфинити» знал о его гражданской деятельности, и для большинства он оставался неудобной загадкой. Мохтар понимал: им предпочтительны консьержи чуть посмирнее и поскучнее.

Но еще был Джеймс Блэкбёрн. «А где ты вырос? – спрашивал он. – Сам-то местный?»

Глава 3

Малолетний книжный вор

Самое раннее воспоминание Мохтара о Сан-Франциско – человек, который испражняется на «мерседес». В тот день семья Мохтара приехала в Тендерлойн. Мохтару исполнилось восемь – старший из тогда еще пятерых детей. Семья годами жила в бруклинском районе Бедфорд-Стайвесант, где отец Фейсал управлял «Кондитерской и продуктовым Майка» – лавкой, принадлежавшей деду Мохтара Хамуду. Но Фейсал не хотел торговать алкоголем – ему было неприятно. После многих лет планирования и мучительных раздумий Фейсал и его жена Бушра наконец-то вырвались на волю. Переехали они в Калифорнию, где Фейсалу пообещали работу уборщика. Лучше оказаться на мели и начать с нуля, чем толкать бухло под отцовской пятой.

Квартиру они нашли в Тендерлойне, который считается самым неблагополучным и бедным районом Сан-Франциско. Они приехали в город, Мохтар и остальные дети сидели сзади, машина остановилась на светофоре. Мохтар посмотрел в окно – рядом затормозил белый «мерседес»; Мохтар залюбовался этим автомобилем, блистающей краской, мерцающим хромом, и тут какой-то человек в обносках запрыгнул на капот, стянул штаны и наложил кучу. Случилось это в квартале от будущего дома семейства Альханшали.

Они уехали из просторной бруклинской квартиры, отказались от жизни, в которой, вспоминает Мохтар, никто ни в чем не нуждался, – у детей была отдельная комната, набитая игрушками, – и угодили в двухкомнатную квартирку в доме 1036 по Поук-стрит, между двумя магазинами порнографии. Пятеро детей ночевали в спальне, родители – в гостиной. Ночь напролет визжали сирены. Выли наркоманы. Бушра боялась одна ходить по району и за

продуктами на Ларкин-стрит посылала Мохтара. В один из первых таких походов в Мохтара швырнули бутылкой – стекло разбилось об стену у него над головой.

Мохтар привык к наркоторговле, кипевшей круглосуточно прямо на улицах. Привык к запахам – человеческих фекалий, мочи, марихуаны. К воплям мужчин, женщин и младенцев. Привык переступать шприцы и блевоту. Привык, что в переулках трахаются старики и молодые пацаны. Ширяется тетка за шестьдесят. Попрошайничает семейство бездомных. Среди машин на проезжей части стоит пожилой торчок.

В Сан-Франциско считалось, что Тендерлойн – городской правонарушительный заповедник: Рыбацкая пристань – карантин для туристов, а тридцать один квартал Тендерлойна отведен под крэк, мет, проституцию, мелкую преступность и публичные испражнения. Даже имя у Тендерлойна исторически нечистоплотное: в начале двадцатого века местные полицейские и политики получали такие взятки, что питались только отборнейшей говядиной^[4].

Но в Тендерлойне было и настоящее сообщество. Район – один из самых дешевых в городе, и туда десятилетиями съезжались семьи, только прибывшие из Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, с Ближнего Востока. В том числе и йеменцы – несколько сотен йеменцев жили в Тендерлойне, и большинство работали уборщиками. В пестрых легионах, что эмигрировали в Соединенные Штаты, йеменцы оказались в арьергарде: многие приехали в 1960-х и работали главным образом на фермах калифорнийской долины Сан-Хоакин и на автозаводах Детройта. Поначалу почти одни мужчины, в основном из мухафазы Ибб – сельскохозяйственного региона. Они прибывали в Калифорнию собирать фрукты, но в 1970-х сотни йеменцев, трудившихся в полях, двинулись в Сан-Франциско и стали там уборщиками. Зарплата получше плюс льготы. В итоге йеменцы составляли до 20 процентов уборщиков в местном отделении

Международного профсоюза работников сферы обслуживания (штаб-квартира расположена в Тендерлойне).

Вот и у Фейсала был такой план: пойти уборщиком – или хотя бы с этого начать. Работу он нашел, но продержался на ней недолго. Начальник с иммигрантами – в основном из Никарагуа и Китая, по большей части нелегалами – обращался высокомерно и проявил неуважение. Отец Мохтара был человек гордый, свои права знал, так что уволился и пошел охранником в жилой небоскреб «Секвойи», в вечернюю смену. Там он и проработал первые годы в Сан-Франциско. Смены у него были в небожеское время и порой по восемнадцать часов в день.

То есть Мохтар мог бродить по городу сколько душе угодно. Рассматривать витрину с видео для взрослых, не обращать внимания на человека с голым торсом, матерившегося на всю улицу. Заходить в какую-нибудь йеменскую овощную лавку – йеменцы заправляли половиной местных овощных лавок, даже магазином под названием «У Амиго». Забегать в парк Сержанта Джона Маколи, на крошечную игровую площадку напротив стрип-клуба «Новый век». Дальше по улице, на перекрестке О'Фаррелл и Поук, на стене дома была фреска – подводный пейзаж с китами, и акулами, и черепахами. Мохтар годами считал, что там какой-то аквариум, и лишь гораздо позднее сообразил, что это пресловутый «Театр братьев Митчелл О'Фаррелл», один из старейших стрип-клубов Америки, где якобы изобрели контактный лэп-дэнс. В районе был тридцать один магазин спиртного и мало безопасных детских площадок, однако детей в этих безнадежных кварталах были тысячи, и выросли они быстро.

К средней школе Мохтар научился схватывать на лету, чесать языком на ура и халявить, а вдобавок подружился с ребятами, которые тоже чесали языками на ура и халявили. В Тендерлойне они избегали наркоманов и проституток и, когда могли, вырывались

наружу, потому что знали: стоит пройти несколько кварталов в любую сторону – и там будет совсем другой мир. К северу – Ноб-Хилл, один из самых дорогих районов Соединенных Штатов, где стоят отели «Фэрмонт» и «Марк Хопкинс». Пара кварталов к востоку – и Юнион-сквер с дорожными магазинами, трамваями и ювелирными лавками.

Повсюду мелькали туристы, а где туристы – там и развлечение. Мохтар с друзьями уходили на Рыбацкую пристань, где невнятно инструктировали европейских гостей, как куда пройти. Или сами делали вид, что заблудились, и спрашивали про какую-нибудь ерунду. Говорили туристу: «Вы не знаете, как попасть в Мяс-Мяс? Нет? А в Акакакакака?» Проходя мимо окон любого ресторана – заведения, которого они не могли себе позволить даже в мечтах, – они голыми задками прижимались к стеклу. Когда им требовалась пара-тройка долларов, они шли к фонтану на Гирарделли-сквер и таскали монетки из воды.

Мохтар знал, что его семья бедна, но на некоторые лишения находились решения. Он знал, что они не могут себе позволить «Нинтендо 64» – он год за годом просил на день рождения и в конце концов плюнул, – но до «Сёркит-Сити» от дома каких-то четыре квартала, а в «Сёркит-Сити» всегдалюдно и хаос, и Мохтар с друзьями притворялись, будто хотят купить какую-нибудь игру, и играли на пробу. Обычно, прежде чем их выставляли за дверь, удавалось с час погонять в «Марио Карт».

Соседи у Мохтара были дружные. В доме на Поук полно было йеменских семей, и все они друг о друге заботились. Взрослые ходили в одну мечеть, дети играли в футбол в коридорах, и по причинам, для Мохтара непостижимым, большинство детей учились в школе на Острове Сокровищ. Туда отправляли многих детей из Тендерлойна – детей, у которых не было другого выбора. В среднюю школу Острова Сокровищ. Казалось бы, почти романтика.

Сам Остров Сокровищ — нелепица, необъяснимая рукотворная груда противоречий. ВМФ построил его в 1936 году, утопив 287 тысяч тонн камней и 50 тысяч кубических ярдов грунта в заливе Сан-Франциско, возле естественного острова Йерба-Буэна, между Сан-Франциско и Восточным заливом. Всю Вторую мировую остров служил военной базой, Островом Сокровищ он тогда еще не назывался. Имя появилось позднее, когда остров демобилизовали, а власть имущие, надеясь извлечь из него коммерческую выгоду, переименовали его в честь книжки про кровожадных пиратов.

Однако после войны из острова не удалось извлечь ничего коммерческого — логично, хотя и преодолимо. Во-первых, что захоронено на этом острове, поди знай: военно-морской флот не обнаружил, какие вредные отходы там спрятал, а исследовать и чистить никого не тянуло. Во-вторых, все громче звучали опасения из-за подъема уровня воды: остров был лишь футом-другим выше уровня моря, и неизвестно, что с ним станет через двадцать лет.

В школе неприятности ходили за Мохтаром по пятам. Может, такой уж он был человек. Может, он был одним из заводил. В школе учились черные ребята, самоанские ребята, латиноамериканские, йеменские; парни уже в тринадцать лет пили и курили траву, причем и тем и другим занимались прямо на территории школы — на лоскутном одеяле бетонных дворов среди узких одноэтажных корпусов лишь чуточку прочнее времянок. Халявил Мохтар в те дни отменно. Родители понимали, что он сбился с пути. Попытались призвать его к ответу, но что-то, а отболтаться он умел. К седьмому классу они бросили его слушать.

— Это все отговорки, — отвечали они.

Но учителя понимали, что мозги у него имеются. Мохтар любил читать. Дома у него была даже библиотека. Книжный шкаф в квартиру бы не влез, но на полке в крохотной кухонной кладовке, под консервами и над пастой и приправой «Сазон Гойя», Мохтар расчистил место под книжки, которые нашел. Или украл. Книжки были халявные — денег на покупку книг у него не было, но он хотел,

чтобы книжки были с ним, стояли шеренгой на полке, как в нормальном доме. Кое-что он на неопределенный срок одалживал в публичной библиотеке. Его коллекция росла. Пять книг, затем десять, затем двадцать, и вскоре полка в кладовой стала ого-го, темный уголок кухни смахивал на вполне легитимный храм знаний.

А поскольку своей комнаты у Мохтара не было, не было даже своего угла в комнате, библиотека стала его единственным личным пространством. Коллекцию составляли книжки из серии «Ужастики», аниме, «Хроники Нарнии», «Властелин колец». Но для Мохтара не было ничего важнее Гарри Поттера, который жил под лестницей, хотя ему там было не место — ему были уготованы великие дела. Когда Мохтар уставал от бедности, уставал переступать на улице через бездомных наркоманов, ночевать в комнате с еще шестью детьми, мысли его уплывали прочь, и он допускал, что, быть может, он как Гарри — пока что принадлежит этому захудалому миру, но предназначен для чего-то большего.

Глава 4

Мудрый совет Гассана Тукана

Часть 1

Внеклассные занятия, на которые Мохтар ходил в мечеть Аль-Таухид на Саттер-стрит, вели Туканы, семья американских палестинцев. Гассан Тукан, всего семью годами старше Мохтара, был одним из наставников, и было ясно, что Гассан из-за Мохтара на стенку лезет. Мохтар плохо учился в школе и плохо учился после школы. Он всех отвлекал. Ему было наплевать. И он не считал, что его спасет Гассан Тукан, который словно бы от природы преуспевал во всем, за что ни брался.

– Мохтар, – умолял Гассан. – Сядь ты. Сделай уроки. Сделай *хоть что-нибудь*.

Каждый день Гассан донимал Мохтара по одним и тем же поводам, по всем поводам. Поведение. Уроки. Дивные преимущества доделывания упомянутых уроков. Вот как относиться к нему всерьез? Мохтар ни к чему не мог относиться всерьез. Он учился в средней школе на Острове Сокровищ, на бывшей военной базе посреди залива Сан-Франциско. В школе для позабытых. Из этой средней школы все выходили в никуда.

Короче говоря, в репетиторском центре Туканов Мохтар выступал агентом хаоса. И нашел себе единомышленника и соратника – пацана по имени Али Шахин. Отец Али был имамом в другой мечети, но Али, как и Мохтар, был склонен отвлекаться. Вместе они доводили Гассана до белого каления. Мешали всем. Срывали уроки. Ничего не делали, и ребята помладше видели, что эти двое ничего не делают, и это нарушало тонкое равновесие учебного процесса, которое выстраивали Туканы.

– Мохтар! – орал Гассан.

Имя Мохтара он орал каждый день. Велел Мохтару посидеть, послушать, поучиться.

Вместо этого Али и Мохтар линяли из мечети. Бродили по Тендерлойну, стараясь не попасться на глаза отцу Мохтара. После многих лет работы охранником и попыток поступить на Муниципальную железную дорогу Сан-Франциско, в местную систему автобусного и трамвайного транспорта, Фейсал получил место. Он бросил свою ночную охранную работу в «Секвойях» и теперь трудился по разумному и предсказуемому распорядку, льготы отнюдь не мешали семье из девятерых – Фейсал с Бушрой прибавили к выводу еще двоих детей, – а занятия подходили его темпераменту. Фейсал любил водить и любил поболтать.

Мохтару, однако, новая отцовская работа усложняла жизнь. Мохтара она ущемляла. Из-за нее он психовал. В разные дни отец ездил по разным маршрутам, и Мохтар никак не мог запомнить, какой маршрут когда. Так что халявить приходилось с осторожностью. Мохтар с друзьями морочили голову какому-нибудь лоху, и тут кто-нибудь поднимал голову: «Это не твой там папаша, Мохтар?» Отец кружил по его детству, как по городу, – эдакой шестидесятифутовой бродячей совестью.

Мохтар и Али возвращались в мечеть, к Гассану, который старался с ними совладать. А потом в один прекрасный день Гассан сорвался. Сядьте, велел он четверем пацанам, Мохтару, Али и еще двоим хулиганам, Ахмеду и Хатаму.

Гассан указал на Хатама:

- Кем работает твой отец?
- Такси водит, – сказал Хатам.

Гассан указал на Ахмеда:

- Чем занимается твой отец?
- Уборщик, – сказал Ахмед.

Гассан указал на Мохтара.

- Водит автобус, – сказал Мохтар.

– Так, – сказал Гассан. Он знал, что отец Али имам, но за Али тоже переживал. Он переживал за всех этих детей. – Ваши родители приехали сюда иммигрантами, и выбора у них не было. Вы хотите тоже работать таксистами? Мыть туалеты? Водить автобусы?

Мохтар пожал плечами. Ахмед и Хатам пожали плечами. Они понятия не имели, кем хотят работать. Им было-то всего по тринадцать лет. Мохтар знал только, что хочет *Xbox*.

– Они привезли вас сюда, чтобы у *вас* выбор был, – сказал Гассан. – А вы его спускаете в унитаз. Если хотите заняться чем-нибудь другим, когда вырастете, возьмитесь уже за ум.

Глава 5 Йемен

Родители эту точку зрения разделяли, поэтому отослали Мохтара в Йемен. Сочли, что ему не помешает сменить обстановку, прикоснуться к истории предков, подышать свежим воздухом. Из двухкомнатной квартиры в Тендерлойне Мохтар уехал в шестиэтажный дом деда Хамуда в Иббе. Там у Мохтара была своя спальня. Свой этаж. В доме были десятки комнат, балкон выходил на цветущую долину посреди города. Даже не дом, а замок, и Хамуд выстроил этот замок из ничего.

Хамуд был не просто патриархом – в роду Альханшали укрыться от его влияния не мог никто. И хотя Хамуду было уже под семьдесят, он по-прежнему проезжал по сотне миль в день из Саны в Ибб или из Ибба в деревни – посещал свадьбы, похороны, улаживал племенные конфликты. Он уже не был высок – с возрастом усох, истончился, – но разум его остался ясен; человек он был остроумный и крутой. В основном Хамуд отошел от дел, но в Иббе выступал серым кардиналом. Когда он приходил на свадьбу, все вставали. Одни целовали ему руку, другие лоб – в знак величайшего почтения.

Хамуд родился в 1940-х в Аль-Дахле, деревушке под Иббом, пятым из восьмерых детей. С малых лет он чувствовал, что отец благоволит ему особо. Когда Хамуд был еще юн, лет девяти или десяти, его отец вляпался в земельные распри с соплеменником, за которым стояла власть. Из-за этих распрей отец Хамуда угодил в тюрьму, и это быстро подорвало ему здоровье. Зная, что конец близок, он призвал к себе лишь одного своего ребенка, Хамуда, и это омрачило отношения Хамуда с другими детьми, особенно со старшими братьями. После смерти отца те изгнали Хамуда и отказались выделить ему долю отцовской земли.